

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА — МУХАНКИ¹

Говоря о деревне Муханки Целебевского сельского округа Дмитровского района, нельзя оставить в стороне ее связь с усадьбой Лужиных, где в годы «культурной революции» организовали коммуну «Борьба» и под лозунгом «Мы новый мир построим» сожгли усадьбу, амбары, сараи, а домашнюю церковь переделали под жилой дом, затем — столовую. Съехались в коммуну бедняки, пьяницы и лодыри из разных деревень, не хотевшие трудиться в личном хозяйстве и надеявшиеся на привольную жизнь в коммуне. Было у них три лошади, девять коров, несколько коз, 200 га пашенной земли и лугов. Для жилья построили глинобитный дом, в котором разместилось 10 семей. За десятилетнее существование коммуна не только не делала никаких продовольственных поставок государству, но даже не могла обеспечить себя на год. При образовании колхозов коммуна распалась, глиняный дом размыло дождем, а коммунары разъехались кто куда.

Усадьба погибла, деревни же, основанные на принадлежавшей Лужинным земле, остались, в том числе Муханки. В XVII в. помещик поселил здесь крепостного Муханова, по фамилии которого названа деревня. Географически она расположена на Смоленско-Клинско-Дмитровской гряде, что придает ей особую красоту: между полями, оврагами и холмами, поросшими елью, березой, ольхой, орешником, протекают речки Волгуша и Икша. Не случайно эти благодатные места привлекают не только спортсменов-горнолыжников, туристов, но и «новых русских», уже настроивших на пахотной мухановской земле свои дачные поселки.

Сейчас Муханки вместе с десятком других деревень входят в состав объединенного акционерного общества «Заря», до недавнего времени называвшегося колхозом им. М.И. Калинина. С 1930 г., когда колхоз образовался, он несколько раз менял название: сначала им. Молотова, потом — Сталина, затем — Калинина. Как известно, скота колхозники не имели: запрещал закон. Тем, кто не подчинялся, не давали ни пастища, ни покоса, принуждая тем самым сдавать скот в общее стадо. Труд в колхозе был очень тяжелым, особенно в послевоенном сорок шестом. Никакого транспорта для перевозки продукции на сдачу государству не было, поэтому урожай везли на попутных машинах. Для этого мешки по 40 кг, например капусты, нужно было два километра тащить на себе до шоссе. Женщины раздевались догола и по холодной октябрьской воде вброд перетаскивали мешки и одежду на другую сторону. Потом ловили попутные машины и везли капусту на пункт приема. За это колхозницы получали 0,5 трудового дня. За отказ же от работы лишали хозяйств, участка земли, какой и был-то не более 0,15 га. Итог рабочего года хорошего работника соста-

влял 100–150 трудодней, на каждый из которых давали 100–150 г ржи или пшеницы и мешок картошки, не пригодной для сдачи государству.

Мы с матерью, Анной Акимовной, были членами колхоза со дня его организации. Вступая туда, в обязательном порядке сдавали сарай, амбар, ригу, корову, лошадь со сбруей и телегой — вообще все до последнего кнута. Никакого согласия на это от деревенских не требовалось: в колхоз как рабочую силу зачисляли даже мальчиков-подростков, которые бегали по улице в портках. При жизни матери мы убирали сено, картофель, выполняли разные полевые работы, вырабатывали 40 трудодней в год, на которые от колхоза, по существу, ничего не получали. За невыработку полной годовой нормы (300 трудодней) налагали штраф: несколько трудодней удерживали. После смерти матери у меня отобрали 0,06 га земли и передали соседям; осталась только та, что под домом. Даже проход туда достался соседке на чужом участке, и мне приходилось лазить домой через окно. После смены правления землю мне, как инвалиду войны, вернули, но когда в 1973 г. отцовский дом сгорел, разрешили только «построиться под бульдозер», то есть сколотить такую будку, какую можно снести бульдозером, что я и сделал, живу теперь в ней в основном летом. Сейчас в мои 80 лет строить дом получше мне уже не под силу.

Это я рассказал о труде и его цене. Теперь о деревенской детворе, о будущем, так сказать, деревни. В усадьбе Лужиных еще до революции была начальная школа, куда ходило 60–70 детей из пяти деревень. Принимали туда с девятнадцати лет и обу-

Тимофеев А.Г. (слева) дает интервью
Марине Галицкой («Радио России», авторский канал)
Фото Ясинской В.Н. 1996 г.

¹ Статья была опубликована в сборнике «Материалы для изучения селений Москвы и Подмосковья». — М., 1996. — С. 24–27.

чали четыре года. Средняя школа была за 5 км в Яхроме. В лужинской школе я обучался в 20-х гг. Тогда мы не знали ни телевизора, ни радио, не возили нас в музеи. Единственным нашим развлечением был живший в коммуне козел по имени Вожак с метровыми рогами и большой, до земли, бородой. Опасные игры с ним, кончавшиеся позорным бегством детьворы, прекратились с неожиданной гибелью козла: он свалился с кромки котла в крутой кипяток. Навсегда остались в памяти учеников не только учителя — Анна Михайловна Полежаева и Александр Сергеевич Поступов, но и школьная истопница и уборщица Матрена. В школе она всем нам заменяла мать: ухватом оберегала нас от козла, когда мы его особенно донимали, топила большую русскую печь на школьной кухне. Мы приходили со своей едой, приносили кто в чем: в чугунке — похлебку или капустные щи, в плошке — кашу или картошку. Ложки у всех были деревянные, вилок и вообще мелкой металлической посуды не было. Тетя Матрена принимала у всех еду, ставила в натопленную печь и в обед доставала все горячим.

Ученики школы участвовали в уборке овощей на монастырском поле при женском монастыре Святой Божьей Матери Влахернской, в 3,5 км от школы, в поселке Деденеве. Когда священнослужителей арестовали и сослали как врагов народа, службу в монастыре закрыли, напуганные монашки стали разбегаться, и мы, школьники, в октябре 1926 г. убрали на их поле турнепс, брюкву, свеклу... В монастыре же организовали коммуну, его здание заняли под жилье ее работников, но через два года она распалась...

Большой вред сельской местности нанесло закрытие начальных школ. Молодым семьям ничего не оставалось, как покинуть деревню и уехать в более крупное село или город, где можно учить детей. Та же участь постигла и нашу школу: она пришла в негодность, ее закрыли и разобрали. Сейчас на месте усадьбы и школы находится детская туристская база, приспособившая единственное сохранившееся от усадьбы здание домовой церкви под свою столовую.

Что же ждет Муханки? Если в 1962 г. в деревне числилось 105 жителей, то сейчас постоянных осталось всего 24 человека. Из 32 домов только в 12 живут весь год, остальные оживают к лету, используются как дачи. Средний возраст жителей 80—90 лет, так что всерьез о будущем деревни как таковой говорить не приходится: не будет деревни. Непоправимый урон ей нанесли государственная политика и война: из 29 призванных в армию живых осталось шестеро. Доживающие в деревне старики в церковь не ходят: у одних вера выкорчевана, другие и рады бы пойти, да ближние церкви в 20-е и 30-е гг. нарушены, а к дальним не добраться: дороги остались в том же состоянии, что и в прошлом веке, прыгаешь с кочки на кочку.

